PG
3934
D38
1906

From the Collection
of the late

JOHN LUCZKIW

ДЕКЛЯМАЦИИ

ЪЪ ИЛЮСТРАЦІЯМИ.

ЧИТАЛЬНЯМЪ

ИМЕНИ МИХАИЛА КАЧКОВСКОГО

ДАРИТЪ

Иванъ Кумъ.

стый доходъ ôтступае на будову дома Об-
ства им. Михаила Качковского въ Сокалѣ.

Цѣна 40 гел.

Львовъ
Типографія Ставропигійского Института
подъ управл. Мих. Рефця.
Накладомъ Богдана И. Процыка.

ЗБІРКА
ІВАНА ЛУЧКОВА

Деклямаціи

ИВАНА КУМА

можно получити

въ КНИГАРНИ

СТАВРОПИГІЙСКОГО ИНСТИТУТА

улиця Русская н-ръ 3

и въ КАНЦЕЛЯРІИ ОБЩЕСТВА

имени МИХАИЛА КАЧКОВСКОГО

улиця Валовая н-ръ 14

во ЛЬВОВѢ.

Одинъ экземпляръ коштує 40 гел.,

а съ пересылкою почтовою 45 гел.

Deklamatsi

ДЕКЛЯМАЦИ
съ илюстраціями.

читальнямъ
имени Михаила Качковского
даритъ

Иванъ Кумъ.

Чистый доходъ отступає на будову дома Общества им. М. Качковского въ Сокалѣ.

Цѣна 40 гел.

ЛЬВОВЪ
Типографія Ставропигійского Института
подъ упр. М. Рефця.
Накладомъ Богдана И. Процыка.

LI
AUG
8
1983
PG
3934
D38
1906

Свв. РАВНОАПОСТОЛЬНЫИ

КИРИЛЛЪ и МЕѲОДІЙ

СЛАВЯНСКІИ УЧИТЕЛИ.

О. Иванъ Наумовичъ.

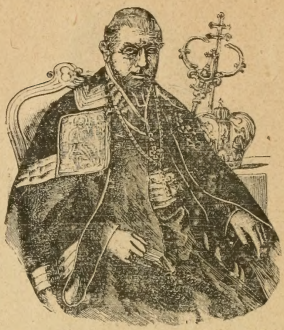
Заповѣди о. Іоанна.

МОЛИСЯ, брате, рано и въ вечеръ,
Всюда и всегда, — ажь до могилы;
Бо надъ молитву нѣтъ въ свѣтѣ, брате,
Бôльшой утѣхи, ни бôльшой силы.

УЧИСЯ, брате, зъ книги духовной
И зъ книги мірской, добрымъ наукамъ;
Бо лишь наука дастъ благо земске,
Тобѣ — и твоимъ дѣтямъ и внукамъ.

ТРУДИСЯ, брате, зъ рана до ночи,
Для себе, твоей милой родины;
Бо лишь трудъ-праця людей спасае,
Ôтъ бѣды, горя, — лихой годины.

ТРЕЗВИСЯ, брате, и трезви другихъ,
До конца жизни, до конца вѣка;
Бо лише трезвôсть дѣлае зъ тебе
Христіянина и человѣка.



Митр. Григорій Яхимовичъ.

Наѣздникамъ на Русь.

Чому кружишь, ляцкій орле,
По-надъ русску хату,
Чому несешь въ русску землю
Польскую гакату?

Чи не знаешь свого гнѣзда,
Пяста и Кракуса?
Щó тя вабитъ на Подôлье:
Жиръ, или покуса?

Жиръ, несытый. Мы тя кормимъ
Кровію и тѣломъ,
Вже пять вѣкôвъ, ненасытный,
Въ вѣчнôсть улетѣло...

Годѣ, алчный[1]), жировати
На подôльскôмъ поли,
Тутъ не мѣсто ляцкимъ орламъ,
Тутъ русски соколы!

Тутъ Русь свята, а не Польща,
Тутъ слава гремѣла,
Тутъ владѣли, царствовали
Сыны Владиміра.

Тутъ искони[2]) земля русска,
Земля Ярослава,
Тутъ лягала и вставала,
Наша русска слава.

Тутъ прадѣды наши рôдны,
Даніила чада,
Русь спасали, грудью, кровью
Ôтъ гибели — ада.

Тутъ сынъ княжій Левъ, пôдъ гóродъ[3]
Клалъ камень угольный,
Создалъ[4]) Львѣ-градъ, русскій гóродъ,
Княжеско-престольный.

Тутъ Хмельницкій Богданъ, гетманъ,
Казалъ штурмовати:
Гóродъ, врагôвъ, — и учити,
Якъ насъ шановати.

Тутъ Качковскій двигнулъ прапоръ,
Прапоръ просвѣщенья.
Тутъ збираемъ его плоды,
И ждемъ воскресенья.

Тутъ нашъ славный протоіерей,
Народный святитель,
Просвѣщалъ насъ, воспиталъ[5]) насъ,
Иванъ-воскреситель.

Тутъ мы сами володари,
Тутъ наша землиця,
Тернопôль, Львôвъ, Перемышль — нашъ,
Сянъ — наша границя!

Тутъ мы жили, жити будемъ,
За ту землю мертву,
За пядь еи дамо тысячъ
Русскихъ сердецъ въ жертву.

Бо то земля наша рôдна,
Зъ вѣка и правѣка,
Дана Богомъ, зъ батька-дѣда,
Зъ рода человѣка.

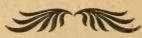
Розрый гробы и могилы,
Курганы козацки,
Дивись: — чіи у нихъ кости,
Русскіи, чи ляцки?

Чіей крови плыли рѣки,
По земли Подолья?
Чіи груди вѣкъ давила
Турецка неволя?

Смотри, брате, и памятай,
Що мы взросли въ боѣ,
Що временно[6]) лишь дрѣмаютъ
Въ насъ давны герои!

А коли духъ ôтозвеся,
Зъ могилы Мстислава,
То покажемъ и вамъ, Ляхи,
Где Русь Русью стала.

Тому дармо посягаешь,
На ню, Ляше-брате,
Мы не дамо, за нами Богъ,
За нами Русь мати!!!



---

[1]) лакомый; [2]) зъ найдавнѣйшихъ часôвъ; [3]) мѣсто; [4]) збудовалъ; [5]) выховалъ; [6]) до часу.

Михаилъ Качковскій.

ДÔМЪ МИХАИЛА.

(Стихъ, выголошенный на генеральнôмъ собранію Общества имени Михаила Качковского въ 1904 г.)

Четверть вѣка скитаемся,
Якъ сироты зъ рода,
Молимсь, учимсь, трудимсь, трезвимсь,
Для блага народа.

Въ рукахъ: прапоръ Михаила,
И девизъ Ивана,
Въ душѣ: вѣра, свята церковь,
На устахъ: Осанна!

Ходимъ въ народъ и съ народомъ,
Ôтъ хаты до хаты,
По-надъ Днѣстеръ, Сянъ, Бугъ и Прутъ,
И по-пôдъ Карпаты.

Разомъ плачемъ и горюемъ,
Разомъ веселимся,
Ôтъ лѣтъ тридцять нарѣкаемъ:
Где мы пріютимся?[1])

Где пріютимъ народного,
Мощного Пената[2]),
Духъ изъ Аскольда могилы[3])
И духъ изъ Кронштадта?[4])

Где? — Чверть вѣка мы думали,
Но днесь — не гадаемъ,
Братья, сестры! Горѣ сердця!
Мы свôй пріютъ маемъ:

Пріютъ, — свôй дôмъ, свою хату,
И свою твердыню,
Для народа и народомъ
Здвигненну святыню.

Пôдвалины пôдъ дôмъ поклалъ,
Насъ всѣхъ благодѣтель,
Строилъ его незабвенный,
Иванъ просвѣтитель.

И мы клали по цеголцѣ,
И лепты зносили.
А зъ милости Всевышняго
Днесь дѣло кôнчили.

Днесь красуесь наша крѣпость,
Въ славу святой Руси,
Крѣпость противъ врагôвъ лютыхъ,
Злобы и покусы.

Тому взнесѣмъ, братья, руки
Къ Отцу всего міра,
Благодарѣмъ за то дѣло,
За дôмъ Михаила!

То источникъ[5]) свѣтла, правды,
Очагъ[6]) просвѣщенья,
Тамъ глядаймо русской мыслы,
Блага, воскресенья!

Тамъ скрижали[7]) святой вѣры,
Славянской азбуки,
Тамъ всѣ добры духи Руси,
И отцы науки.

Тамъ Михаилъ[8]), Иванъ[9]), Адольфъ[10]),
Венедиктъ[11]), Игнатій[12]),
Тамъ духъ вѣрныхъ сынôвъ Руси,
Тамъ наши Пенаты.

Тамъ и знамя: „симъ побѣдишь",
Крестъ церкви святои,
Оружіе русской славы,
И чести давнои.

Тамъ скарбниця тализманôвъ,
Зъ временъ Владиміра,
„Русска Правда" Ярослава,[13])
Святой Ольги[14]) — вѣра.

Туда братья, туда сестры,
Туда русскій роде,
Спасайся въ дôмъ Михаила
Ôтъ вражои орды,

Котра грабитъ вѣру, слово,
Веде на розпутья[15]) —
Туда: Гуцулъ, Лемко, Бойко,
Жители Покутья!

Миліоны, бѣжѣмъ въ крѣпость,
Вся Русь Прикарпатска,
Тамъ насъ певно врагъ не зможе,
Ани сила адска!

Станьмо плечемъ другъ при друзѣ,
Духовны, міряне,
Мужи, жены, красавицѣ,
Селяне, мѣщане!

И най громы, тучи, бури,
Надъ нами шалѣютъ,
Наша крѣпость — скала-гранитъ [16]),
Ей не одолѣютъ [17]).

Въ ней дождемся всхода солнця,
Лучшой русской доли,
Русской правды, русской силы,
И русскои воли.

Поклянѣмся передъ Богомъ,
Якъ мы русски дѣти,
Що не дамо той крѣпости
Врагу одолѣти!

Двѣ святыни, братья, сестры,
А въ нихъ наша сила:
Перва — церковь, а вторая —
То дôмъ Михаила!

---

[1]) схоронимся; [2]) домовыи и народныи боги (славныи люди); [3]) въ Кіевѣ на кладбищѣ (цминтарѣ), званнôмъ „Аскольда могилою“ похованный бл. п. о. Иванъ Наумовичъ а [4]) въ Кронштадтѣ недалеко Петербурга бл. п. Михаилъ Качковскій; [5]) жерело; [6]) огнище; [7]) таблицѣ, на которыхъ были выписаны десять заповѣдей Божихъ; [8]) Качковскій; [9]) Наумовичъ; [10]) Добрянскій; [11]) Площанскій; [12]) Галька – ихъ портреты суть въ канцеляріи въ домѣ Общества им. Михаила Качковского; [13]) князь галицкій, званный Мудрымъ, понеже выдалъ дуже мудрыи права для Руси; [14]) русская княгиня, первая христіянка на Руси; [15]) бездорожья; [16]) найтвердшій камень; [17]) переможутъ (здобудутъ).

Адольфъ Добрянскій.

Духъ Богдана.

Ревутъ громы, бьютъ арматы,
Боже велій! — чи вставати?
Слышу вопли[1]) изъ-пôдъ Львова,
Плачъ и стоны у Зборова.

Якась орда напирае,
Край Подôлья розоряе[2]),
Краде мову, грабитъ вѣру,
„Niema Rusi“ гласитъ міру.

Всемогущій! — прости душу,
Подивитись на свѣтъ мушу,
Кто тѣ враги, — чи татары,
Знова на Русь ся загнали?

. . . . . .

Благодарю, — я ихъ знаю,
Кровь на мечи еще маю,
Кровь ихъ предкôвъ зъ пôдъ Збаража,
Где корилась бута вража.

Позабыли, що ихъ силу
Я уложилъ у могилу,
Польща лягла и не встала,
Въ вѣкъ умерла и пропала.

Позабылъ то народъ ляцкій,
Що у мене мечъ козацкій,
Въ рукахъ моихъ: — крестъ, булава,
Ужасъ[3]) врагамъ, — Руси слава.

Вокругъ мене черноусы,
Добры духи святой Руси,
Лежатъ въ земли тихомолки,
Козацкіи славны полки.

Лежатъ, не спятъ, — лишь дрѣмаютъ,
Замогильну стражу маютъ,
А якъ сурмы-трубы грянутъ,
Всѣ готовы, — къ бою станутъ.

Не плачь, не вопль, русскій роде,
Борись мужно противъ орды,
Якъ врагъ стане напирати,
Кличь: — Богдане, часъ вставати!

. . . . . .

Успокôйся нашъ гетмане,
Насъ до бою тысячъ стане,
И поборемсь — за Русь, вѣру,
По Богданову примѣру.

. . . . . .
. . . . . .

Якъ не стане у насъ силы
Позовемъ[4]) тя изъ могилы...

---

[1]) крики о помôчь; [2]) пищитъ; [3]) пострахъ; [4]) закличемъ.

Богданъ Лѣдицкій.

Колись а нынѣ.

(Стихъ посвященный русско-народной партіи.)

Колись, брате, — была мати,
Гордилась сынами,
Матерь звали святой Русью,
Сынôвъ Русинами.

Матерь мала ясны очи,
И русавы косы,
Сыны звались: Бѣлъ, Малъ, Червонъ —
И Велико-Россы.

Вѣно, брате, мала мати
Зъ давного завѣта:
Ласку божу, любовь сосѣдъ,
И земли пôлсвѣта.

Были поля, лѣсы, луги,
Гаѣ, долы, горы,
Ôтъ Кавказа по Карпаты,
И по Чорне море.

Вѣра у ней была права —
Славна, Владиміра,
Письмо русске зъ тысячьлѣтья,
Святого Кирилла.

Сынôвъ своихъ добра мати,
Всѣхъ нѣжно любила,
Воспитала[1]) въ страху Божôмъ,
И во свѣтъ пустила.

Сыны въ свѣтѣ розôйшлися,
Мати ихъ дѣлила:
Земскимъ благомъ, своимъ вѣномъ,
И благословила.

Два каждому тализманы[2])
На грудь насилила,
Скрижаль вѣры, скрижаль слова,
Ихъ будучнôсть, — сила.

Нынѣ, брате, наша мати
Плаче и рыдае,
Всѣ сыны ся повертали,
Одинъ — не вертае.

Померъ одинъ рабомъ ляхôвъ,
Внуки ся лишили,
Тализманы свого батька,
Гдесь — запропастили.

Вѣру батька за чужую,
Давно промѣняли,
Письмо батька, свое русске,
На торзѣ — продали.

Ходятъ голы, бѣдны, босы,
Ґенъ по-пôдъ Карпаты,
Наймитами идутъ — чужихъ
Коней погоняти.

Недовѣрки, фѣрманами
Стали, — кара Божа,
Везутъ вельможъ въ рай будущій
„Ôтъ моржа до моржа“.

Языкъ батька позабыли,
Новый сотворили,
Не до Бога, — къ діяволу,
Нимъ заговорили.

Ты ихъ кличешь, добра мати,
Дѣтей сына „внуки“,
Они звутъ тя — „москалихой“
Тѣ вражи гайдуки.

. . . . . .

Мати наша, свята Русе,
Ко намъ простри руки!
У насъ твои тализманы
Вѣры и азбуки.

---

[1]) выховала; [2]) найдорожшу памятку.

Еп. Михаилъ Куземскій.

НАША СЛАВА.

Гей взлѣтайте, русски орлы,
Русскій левъ гриву трясе,
Русскій Днѣстеръ котитъ волны,
Русску славу въ міръ несе.

Насъ родилъ Богъ миліоны,
Русскихъ дѣтей, — поклянусь,
Совокупилъ[1]) въ исполинну[2]),
Недѣлиму, святу Русь.

Насъ крестилъ Днѣперъ и Кіевъ,
Насъ помазалъ Владиміръ,
Предъ Галичемъ и Льва градомъ[3]),
Не одинъ разъ дрожалъ міръ.

Мы велики, мы богаты,
Западъ, Востокъ, Сѣверъ, Югъ
Наши; — наши русски рѣки,
Волга, Нѣменъ, Сянъ и Бугъ.

Червонороссъ, Великороссъ,
Бѣлъ- и Малъ-Россъ всѣ — братья,
Насъ родила одна матерь,
Рôдна матерь: — Русь свята.

Русска земля, безпредѣльна[4]),
Въ ней не меркне солнця свѣтъ,
Нашъ апостолъ: Кириллъ Меѳодъ,
Въ насъ границь-кордонôвъ[5]) нѣтъ.

Нуже, русскіи соколы,
Пôдъ небесный летѣтъ зводъ[6]),
И считайте[7]) несчислимый,
Миліонный русскій родъ.

Русская мысль трясе міромъ,
Лютыхъ врагôвъ не боюсь,
Вѣра, слово — наша сила,
„Одинъ Богъ и одна Русь!“

---

[1]) злучилъ; [2]) великанскую; [3]) престольный гôродъ (столиця); [4]) безгранична; [5]) граничныхъ межъ; [6]) облакъ; [7]) рахуйте.

О. Иванъ Гушалевичъ.

Русь едина.

Гей-же братья, Галичане,
Вже насталъ часъ и пора,
Щобъ на Руси небосклонѣ,
Засіяла намъ зоря.

Зоря правды и любови
Щобъ злучила всѣхъ сынôвъ,
Щó родились въ русскôмъ краю,
Где красуесь Галичъ, Львôвъ.

Мы, Червонной Руси дѣти,
Пятьсотъ лѣтъ стоимъ въ борьбѣ,
У насъ нѣтъ другôвъ-сосѣдей,
Тôлько Богъ и мы одни.

Мы еще не побѣдили,
Но и врагъ не побѣдилъ,
Лише силы сполучѣмо,
А въ насъ много-много силъ.

Мы не знаемъ земли красшой,
Якъ нашъ край Галичина,
Часть всей Руси безпредѣльной,
Наша близша ôтчина.

По-пôдъ Бескидъ и Карпаты,
По-надъ Сянъ, Бугъ, Збручъ и Прутъ,
Станьмо въ еи оборонѣ,
Най не дѣлятъ ей, не рвутъ.

Но не дѣлѣмъ и мы еи,
Рôдны братья и сестры,
Бо Русь одна, якъ Богъ одинъ,
А не бôльше, — не двѣ-три.

Разомъ руки, разомъ силы,
Мы часть міра, мы народъ,
„Русь едину“ передаймо,
Нашимъ дѣтямъ зъ рода въ родъ!

Митр. Іосифъ Сембратовичъ.

ЦЕРКОВЬ.

Середъ села, на горбочку,
Шумятъ дубъ и липы,
И дивятся въ чисту воду
Сребрнолентой Стрыпы.

По галузяхъ и листочкахъ
Тихій вѣтрецъ грае,
А крестъ святый старой церкви
На солнцѣ сіяе.

Пôдъ липою сидитъ старикъ,
Та думку думае,
А хлопчина, дитя сына,
На храмъ поглядае.

На шó, дѣду, таку стару,
Мы церковь тримаемъ,

Коли всюда красны, новы,
Въ селѣ домы маемъ?

Грѣхъ такъ, сыну, говорити,
Каже старовина:
Но Богъ проститъ, на щó скажу:
Ты еще дитина.

Новы домы повалятся,
Туча ихъ поломитъ,
А людъ бѣдный, народъ русскій,
Где голову склонитъ?

А церковця, — видишь, — свята,
Хранитъ для насъ лѣки,
Спасае Русь ôтъ лѣтъ пятьсотъ
И спасе ю въ вѣки....

Феодоръ Бѣлоусъ.

И то право...

У Пархома стоитъ „брысько“
Въ будѣ на припонѣ,
А на поли берутъ за долгъ,
Жито на загонѣ.

Два евреи, экзекуторъ,
И кумъ, вôйтъ Никола,
Грабятъ жито и списуютъ
Копы доокола.

„Брыську“, каже старый Пархомъ,
Щó-жь мы будемъ ѣсти,
Якъ начне намъ нехристъ-лихварь
И на поле лѣзти?

А дѣточки мои дрôбны
Чѣмъ перезимую,

Где я для нихъ кусокъ хлѣба,
Въ зимѣ зафантую?

Ходи „брыську“, подивимся,
Хотя изъ далека,
Якъ то грабитъ кровавицю
Жидъ-нехристъ, запека.

Пôйшли. Пархомъ сталъ на боцѣ,
„Брысько“ роздивился:
Сруль закричалъ, Лейба въ ноги,
„Ай вай“, — песъ сказился.

Халатъ Лейбы — половина
Лежитъ пôдъ копою,
А ярмурку пана Сруля
Дере песъ ногою.

Кумъ Никола новый кожухъ,
Въ гору пôдкасали,
Жиды счезли — а за вôйтомъ
И слухи пропали.

Экзекуторъ генъ пôдъ лѣсомъ
Щó силъ утѣкае,
Шапку згубилъ и палкою
Позаду махае.

Пархомъ стоитъ та думае:
То „брысько“ котюга!
Нѣтъ Пархоме, — „то псье право!“
Гудитъ вѣтеръ зъ луга....

Венедиктъ Илошанскій.

Мôй сосѣдъ.

Мôй сосѣдъ былъ панъ дивакъ,
Ôнъ ничь не робилъ,
Якъ я оралъ плугомъ ланъ,
Ôнъ люльку курилъ.

Казалъ: дурень ты Иванъ,
Роби, бо ты рабъ,
Все, щó твое, то мое;
Я панъ, а ты драбъ!

Та неправда, кажу я;
Та тотъ ланъ — то мôй,
Нѣтъ! — говоритъ: — то мôй ланъ,
А твôй тôлько гнôй!

Та мôй отецъ и мôй дѣдъ
Родилсь тутъ, где я,
Засье тобѣ, — кричитъ панъ, —
Неправда твоя!

Я посѣялъ жито-хлѣбъ,
Та Богъ зародилъ,
Панъ готове зъ поля звêзъ,
Ба и змолотилъ.

Жêнка, дѣти, и я въ плачъ,
Скôлько слêзъ и бѣдъ,
Ôнъ кричитъ: моя земля,
А ты — дѣдовôдъ!

А я знаю добре то
Зъ давной давнины,
Що тутъ были зъ вѣкъ-вѣка,
Русски Иваны...

И кто знае, щóбъ было,
Где-бъ я ся оперъ,
Встаю рано разъ до дня,
Чую: — панъ умеръ.

Тѣло взяли, завезли
До Ванды могилъ,
Въ свою землю, — бо ôнъ тутъ,
Кажутъ, зайда былъ...

А щó, кажу до старой:
Неправда моя?
Що где жіе нашъ Иванъ
То русска земля!

Крыл. Михаилъ Малиновскій.

ЗАЗУЛЕНЬКА.

(Моей племянницѣ 10-лѣтнôй Е. Ѳ. П.)

Шла дѣвчина левадою.
Цвѣтъ рве по-надъ ланъ,
Передъ нею середъ поля,
Темнѣе курганъ.

Середъ поля Зборôвского,
Где славный Богданъ
Училъ врагôвъ: чія земля,
Левада и ланъ.

Пôдъ курганомъ головоньки
Козацкихъ сынôвъ,
На курганѣ, — трираменный,
Крестъ святый счорнѣлъ.

А на крестѣ зазуленька
Сѣла, та куе,

Повѣдае, якъ бывало,
А якъ теперь есть.

Пытаеся, где ся дѣла,
Давна слава, честь,
И ворожитъ, що за грѣхи,
Буде врагамъ месть.

Ку́ку, ку́ку, - несесь полемъ,
Лугами, яромъ,
По всей Руси безпредѣльнôй
И по-надъ Днѣпромъ.

Зазуленько, соколику,
Голубитъ дѣвча:
Закуй менѣ, чи воскресне
Матенька моя?
. . . . . .
Ку́ку, ку́ку, ку́ку, —
Понеслось надъ ланъ;
Доню! Солнце всходитъ,
Сіяе курганъ...

Посолъ Алексѣй Барабашъ

Отвѣтъ

моей племянницѣ 10-лѣтной Е. Ѳ. П. на мою „ЗАЗУЛЕНЬКУ".

Середъ поля Зборôвского
Темнѣе курганъ,
Тамъ поховалъ сорокъ тысячъ
Ляшенькôвъ Богданъ.

Не изъ злобы, а за правду
И за Русь святу,
Упокорилъ Хмельниченко,
Ляцкую буту.

Позабыли совсѣмъ Ляхи
На своихъ дѣтей,
Щобы были поставили
Хотя крестъ святый.

Правда, нынѣ на курганѣ
Красуеся крестъ,
Но не Ляхамъ належится
За то хвала, честь.

Цвяхъ Никита изъ Присовецъ
Сооружилъ тотъ,
Якъ разъ тому вже минае
Двѣста третій годъ.

Наоколо у Зборова
Тѣхъ курганôвъ тьма,
А гаразду якъ не было,
Такъ таки нема.

Хотя Польща на папери
Уже не стоитъ,
Но во власти така горда,
Що затьмила свѣтъ.

Народъ русскій, такъ якъ терпѣлъ,
Такъ терпитъ теперь,
Ему всегда передъ правомъ
Зачинена дверь.

Щобы розумъ у Русинôвъ,
Не было бы такъ,
Бо въ насъ сила, бо мы народъ,
Великій ажь страхъ.

Та щó зъ того? У насъ сила,
Но едности нѣтъ,
Сваримося, деремося,
Ворогамъ на смѣхъ.

Схаменѣмся братья, сестры,
И Бога призвѣмъ,
Ляцку волю и сваволю
Троха скоротѣмъ!

Не шаблею, не кулакомъ,
Того докажѣмъ,
Лише всегда до урядôвъ,
По русски пишѣмъ!

И не мягко, лише твердо,
Бо мы тверда Русь!
Щó мягоньке — то нездале,
На то забожусь.

Закладаймо склепы русски,
Зсыпы, крамницѣ!
Зъ того буде для насъ корысть,
Якъ возьмемся всѣ.

И вороги присмирѣютъ,
Коли то узрятъ,
Будутъ съ нами раховатись,
Бо мы того вартъ.

Прото, братья, до роботы,
Бо ворогъ не спитъ,
Щобъ не было для насъ пôзно,
Якъ возьме все — жидъ!...

Галицкій князь Левъ.

Имнъ народный.

(На нуту, якъ: »Миръ вамъ братья«.)

Честь вамъ, честь вамъ, русски дѣти,
Вамъ страдальцямъ пять вѣкôвъ,
Що не дали одолѣти[1])
Святой Руси тьмѣ врагôвъ!

Наши отцы, въ вѣчнôмъ мирѣ,
Спятъ въ могилахъ — вѣчны сны,
А при Руси ей оплотомъ[2])
Славныхъ предкôвъ: ихъ сыны.

Поки крестъ святый сіяе
По-надъ гербомъ князя Льва;
Доти злоба врагôвъ міра
Намъ не люта, ни страшна.

Мы умѣемъ умирати,
За святу Русь, Еи честь;

Намъ не страшенъ ударъ грома,
Ани пекла-ада месть[3]).

Поки вѣра въ русской груди,
Зъ Владимірскихъ, генъ, временъ,
Русь не зметутъ чорты-бѣсы,
Ни всѣ разомъ, ни одинъ.

Мы умѣемъ за Русь, вѣру,
Ити въ ясырь[4]) и полонъ[5] ;
Намъ не страшны вода, море,
Ни пекольныхъ мукъ огонь.

Поки чути русске слово,
Где Днѣстеръ, Бугъ, Сянъ и Прутъ,
Русь жіе и жити буде,
Руси жити вѣчно тутъ.

Мы умѣемъ и за слово,
Якъ настане часъ-пора,
Съ мечемъ въ рукахъ по давному
Нестись вихромъ на врага.

Честь вамъ, честь вамъ, русски дѣти,
Вамъ страдальцямъ пять вѣкôвъ,
Вѣра, слово — Руси сила,
А люта смерть для врагôвъ!

AUG 8 1983

---

[1]) поконати; [2]) охороною; [3]) пôмста; [4]) тюрму и [5]) неволю.

Изображенныи въ тôй книжечцѣ на портретахъ передовыи русскіи люди и патріоты — уже всѣ покойники: въ живыхъ еще тôлько старенькій патріотъ-ветеранъ Богданъ Дѣдицкій, галицкій писатель во Львовѣ и крестьянинъ-патріотъ Алексѣй Барабашъ въ Богородчанахъ, русскій посолъ на соймъ краевый.

Курсъ рôльництва въ Чехіи

для нашихъ русскихъ хлѣборобôвъ зъ Галичины

устроює **Общество имени Михаила Качковского** во Львовѣ

въ 1906 году.

Курсъ начинаеся д. 15. марта н. ст. а кôнчится 15. вересня н. ст. 1906 г.

Въ тôмъ дѣлѣ пріймае зголошенья и удѣляе информацій канцелярія того же Общества во Львовѣ, улиця Валовая н-ръ 14, I. поверхъ.

Цѣль того курса и близшіи поясненья были помѣщены въ „Русскомъ Словѣ“ н-ръ 20 изъ 1905 г.

Зголошенья пріймаются до кôнця грудня 1905 г.

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY